

Международный институт центральноазиатских исследований был учрежден 5 июля 1995 года в результате работы крупномасштабного проекта ЮНЕСКО по Шелковому пути. Идея создания института возникла во время работы международной научной экспедиции по степному маршруту Центральной Азии, организованной в рамках проекта «Комплексное изучение Шелкового Пути – пути диалога» – главного проекта десятилетия по культурному развитию (1987-1997). Государствами-членами МИЦАИ являются Азербайджан, Китай, Иран, Казахстан, Корея, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Россия, Таджикистан, Турция и Узбекистан.

Миссия МИЦАИ заключается в привлечении внимания широкой аудитории к научным и культурным проблемам Центральной Азии, а также в укреплении сотрудничества между местными учеными и их зарубежными коллегами в рамках междисциплинарного исследования региона, охватывающего материальное и нематериальное культурное наследие, окружающую среду, археологию, историю искусств, религий, историю науки, этнологию, историческую географию, письменную и устную литературу, общественные науки и другие области. Задачи и функции МИЦАИ отражаются в научных исследованиях и прикладных проектах, осуществляемых институтом. А «Вестник МИЦАИ» призван не только отражать их результаты, но и является изданием, которое способствует расширению коммуникативного пространства взаимодействия экспертов из разных стран.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются, а публикации отражаются в наукометрической базе данных РИНЦ. Мы надеемся содействовать повышению уровня исследовательских работ путем обеспечения возможности публикации научных статей и свободного доступа заинтересованным лицам ко всем опубликованным материалам. Редакция также считает одной из своих приоритетных задач предоставление научному сообществу возможности для открытых научных дискуссий и обмена мнениями.

Внутри каждого раздела журнала материалы группируются не по темам, а по фамилиям авторов в алфавитном порядке. Такой нейтральный принцип не касается лишь тематических блоков, где автономность каждой статьи неуместна: важнее логическая связь представленных текстов. Журнал публикует результаты конкретных исследований по названным выше дисциплинам, а также полемику, критику и библиографию новых источников. Это позволяет пользователям отслеживать и оценивать все самое важное, что постоянно появляется в сфере изучения истории и современной культуры стран Центральной Азии.

Правила для авторов и весь архив журнала, доступный для бесплатного скачивания, смотрите на веб-сайте www.unesco-iicas.org

ВЕСТНИК

МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 1694-5794

ВЕСТНИК

МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

37

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В ГОД

Основан в 2005 году

САМАРКАНД
2024

International Institute
for Central Asian Studies (IICAS)
by the UNESCO Silk Road Programme

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Редакционного Совета: **Эврен Рутбиль**, директор МИЦАИ; **Бахтияр Мираимович Бабаджанов**, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения имени Абу Райхана Беруни АН Республики Узбекистан; **Хулио Бендесу-Сармиенто**, PhD по антропологии, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна; **Рафаэль Миргасимович Валеев**, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, вице-президент НК ИКОМОС Россия; **Она Вилейкис**, PhD по архитектуре, Университетский колледж Лондона (UCL); **Дмитрий Алексеевич Воякин** – кандидат исторических наук, член Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО Республики Казахстан; **Егор Петрович Китов**, кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт археологии Министерства науки и образования Республики Казахстан; **Роланд Линь Чжихун**, PhD по истории искусств и археологии, профессор, Университет Париж-Сорбонна; **Павел Борисович Лурье**, кандидат филологических наук, Отдел Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург; **Ма Цзянь**, профессор Школы культурного наследия Северо-Западного университета в Сиане, Китайская Народная Республика; **Симоне Мантеллини**, PhD по археологии, Болонский университет, Италия; **Шаин Меджид оглы Мустафаев**, академик, доктор исторических наук, Международная Тюркская академия, Астана, Казахстан; **Клод Рапен**, доктор наук по археологии, директор исследований, Национальный центр научных исследований, Париж; **Айрат Габитович Ситдииков**, доктор исторических наук, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; **Майкл Фрачетти**, профессор археологии Университета Вашингтона в Сент-Луисе, США; **Булат Доскалиевич Хусаинов**, доктор экономических наук, Казахстанско-немецкий университет, Алматы; **Михаил Шенкар**, профессор кафедры доисламских иранских исследований Еврейского университета Иерусалима, Израиль; **Казуи Ямаучи**, профессор археологии Университета Тэйко, Япония.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Руслан Гельдыевич Мурадов**, профессор Международной академии архитектуры, отделение в Москве (МААМ); **Энхбат Авирмед**, Школа бизнес-администрирования и гуманитарных наук Монгольского университета наук и технологий; **Бакыт Элтиндиевна Аманбаева**, кандидат исторических наук, профессор, Институт истории и культурного наследия НАН Кыргызской Республики; **Фарда Магеррам оглы Асадов**, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения НАН Республики Азербайджан; **Наранбаатар Баасансурен**, докторант Школы делового администрирования и человечества, MUST, Монголия; **Бауыржан Абишевич Байтанаев**, академик, доктор исторических наук, Институт археологии Министерства науки и образования Республики Казахстан; **Стивен Гилберт**, PhD по историческим, этнографическим и теологическим исследованиям, Центр археологии Ланье при Университете Липскомба, США; **Светлана Горшенина**, доктор исторических наук, директор исследований, Университет Женевы, Национальный центр научных исследований, Париж; **Ханифа Гюз**, профессор, Анкарский университет Хаджи Байрам Вели, Турция; **Эльмира Фатхлбаяновна Гюль**, доктор искусствознания, профессор, Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан; **Александр Бабаниязович Джумаев**, кандидат искусствознания, ведущий научный сотрудник НИИ культурологии и нематериального культурного наследия при Министерстве культуры Республики Узбекистан; **Лариса Назаровна Додхудоева**, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан; **Хи Су Ли**, профессор Университета Ханьян, Сеул, Республика Корея; **Тигран Константинович Мкртычев**, доктор искусствознания, директор Государственного музея искусств им. И. В. Савицкого, Нукус; **Филипп Мойзер**, доктор технических наук, архитектор, издатель, приглашенный профессор общественных гуманитарных наук, Университет Брауна, Провиденс/Род-Айленд, США, компания “Meuser architekten GmbH”, Германия; **Шакирджан Расульевич Пидаев**, кандидат исторических наук, директор Института искусствознания АН Республики Узбекистан; **Ганиур Рахман**, директор Института азиатских цивилизаций Таксила, Университет Каид-и Азама, Исламабад, Пакистан; **Дмитрий Альбертович Таюрский**, доктор физико-математических наук, проректор по научной деятельности Казанского федерального университета, федеральный эксперт в научно-технической сфере, Россия; **Халил Ширголами**, заместитель генерального директора по научной работе Института политических и международных исследований (IPIS), Иран; **Тим Уильямс**, профессор кафедры археологии Шелкового пути Института археологии при Университетском колледже Лондона (UCL); **Саид Хатиб-заде**, Институт политических и международных исследований (IPIS), Иран.

Заведующая редакцией **Зарина Муминова**

Идеи и мнения, выраженные авторами журнала, могут не совпадать с точкой зрения МИЦАИ и не налагают на институт каких-либо обязательств.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

- Р. Х. Сулейманов, Х. А. Тойчиев, У. К. Абдуназаров, Ф. Ш. Шамукарамова, А. Г. Мухаммадиев, Д. Р. Нормуродов, Г. А. Мухторов, А. А. Абдуганиев, О. О. Элмуратов, О. Т. Эргашев, Б. А. Элмуратов**
Археологические исследования на Аркутсайском геологическом разрезе и в его окрестностях7
- Х. Бендесу-Сармиенто, О. Леконт, М. Мамедов, А. Халмурадов**
Улуг-депе в системе первых цивилизаций16
- Б. М. Бабаджанов, Е. Г. Некрасова**
Феномены культурной интеграции: туркмены в средневековой Бухаре39
- Б. А. Байтанаев, Ю. А. Ёлгин**
Позднесредневековая культовая архитектура Туркестанской области (Ферганское влияние в архитектурном наследии)51
- А. Б. Джумаев**
Из истории музыкальной культуры Туркестанского края и советского Узбекистана (начало XX века – конец 1950-х гг.)60
- Н. Ю. Анурова-Шабунц, В. Ш. Хаирова**
Книжная графика Туркменистана 1920–1930-х гг. в изданиях для детей97
- Б. Чухович**
От «Матери» к «Мадонне»: социальная история одной фотографии Макса Пенсона112

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

- Д. В. Мелентьев**
Чем был Худжум?137
- Ж. Д. Остонов**
Некоторые аспекты центральноазиатских исследований во Франции152

ХРОНИКА

С. Атанова

Этнограф в музее. Выставка «Пыль и шёлк» в Германии161

Т. Мамиров

Академику Жакену Таймагамбетову – 70 лет164

Ж. Адиллов, О. Пуговкина

Валерий Александрович Германов (1950–2023)169

Новые книги, изданные Международным институтом
центральноазиатских исследований и при его поддержке174

Эврен Рутбиль – новый директор МИЦАИ179

Сведения об авторах.....180

Список сокращений.....181

Д. В. МЕЛЕНТЬЕВ

ЧЕМ БЫЛ ХУДЖУМ?

До сих пор считается, что кампания по «фактическому раскрепощению» мусульманок Средней Азии, известная как Худжум, оказалась успешной и навсегда изменила социальную и культурную историю региона. За мусульманками окончательно закрепились гражданские и политические права, они в большом количестве пополнили ряды советских учебных заведений и государственных предприятий. Исследователи солидарны в репрезентациях Худжума как бескомпромиссной борьбы европейцев-коммунистов против паранджи, которая являлась для них символом «бытовых пережитков» и артефактом «отсталости» автохтонного населения. Историки также делают акцент на том, что Худжум был проведен жестокими методами и являлся «принуждением к свободе». Настоящее исследование посвящено пересмотру подобных репрезентаций Худжума в историографии. Статья основана на широком круге русскоязычных источников, созданных преимущественно женщинами-европейками – сотрудницами женотделов. Некоторые источники впервые вводятся в научный оборот. В статье критически разобрана роль коммунистов-мусульман, работников судов и милиции в ходе раскрепощения мусульманок в 1920-е гг., которые в советской историографии позиционировались главными защитниками женщин во время Худжума. Особое внимание уделяется женотделам, которые, в отличие от партии большевиков или «джадидов», еще не становились в историографии объектом изучения и не позиционировались как один из основных акторов раскрепощения мусульманок. Подробно освещаются методы работы женотделов и тем самым ставится под сомнение распространенное мнение, что они пытались «принудить мусульманок к свободе». Кроме того, в статье разобран период после Худжума, который игнорировали исследователи. В источниках – в частности, в документообороте, публицистике и воспоминаниях сотрудниц женотделов, он получил название – «Отступление». В ходе исследования установлено, что Худжум оказался неудачной кампанией, что сразу признали сотрудницы женотделов и высокопоставленные среднеазиатские чиновники. Худжум разрушил женотделы и всю инфраструктуру раскрепощения. Советской власти так и не удалось ликвидировать гендерное неравенство, а также религиозное мировоззрение, которое легитимировало патриархальный социальный и бытовой уклад коренного населения Средней Азии.

Ключевые слова: гендерная история, культурная история, раскрепощение, Худжум, Средняя Азия, Узбекистан.

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2024.37.008>

Цитирование: Мелентьев Д. В. Чем был Худжум? // Вестник МИЦАИ. Вып. 37. Самарканд, 2024. С. 137–151.

ПРИШЕДШИЕ в 1917 г. к власти большевики наиболее угнетенной частью населения бывшей Российской империи считали женщин, особенно на «Востоке». Женщины были зажаты в узкие рамки различных табу, лишены юридических прав и свобод, которыми обладали мужчины. Большевикам такое положение казалось несправедливым мироустройством, от которого следовало немедленно отказаться во имя общественного блага и прогресса. Набор мер по изменению гендерных ролей в советском обществе в 1920-е гг. обозначили термином «раскрепо-

щение». Под ним понимали избавление женщин от любого ущемления в правах и свободах, от каких бы то ни было ограничений. Раскрепощение подразумевало служение не «домашнему очагу», а пролетарскому обществу и государству. Раскрепощение предполагало не только признание за женщинами социально-политических и экономических свобод, но было направлено на изменение мировоззрения, бытового и семейного уклада народов, находившихся, по мнению большевиков, на разных стадиях исторического развития. Наиболее известным эпизодом в истории раскрепо-

щения мусульманок в СССР был Худжум.

Интерес к решению «женского вопроса» зародился в СССР во второй половине 1950-х гг. Вероятно, первой исследовательницей, которая занялась историей этого вопроса была В. Л. Бильшай. В своем втором исследовании она затронула тему Худжума, признав «серьезные проблемы при раскрепощении женщин «советского Востока», например, «поголовную неграмотность», существование советских судов, а также судов по адату и шариату в Туркменской и Узбекской ССР, убийства активисток (Бильшай 1956: 145, 148, 165). Работа Б. П. Пальвановой о раскрепощении туркменок была опубликована через год, и, в отличие от труда В.Л. Бильшай, ничего не говорила о трудностях решения «женского вопроса» в Средней Азии и не упоминала Худжум (Пальванова 1957: 15). В 1960–1970-е гг. в СССР наступил период «оттепели», когда в науке был снят негласный запрет на изучение острых социальных тем, в число которых входил «женский вопрос» (Пушкарёва 2010: 51–64). Данный временной отрезок на Западе ознаменован ростом популярности работ, посвященных сообществам, которые долгое время подвергались дискриминации, в этот ряд попадали и женщины. Тогда же в СССР появляется россыпь работ о раскрепощении мусульманок (Шукурова 1961, 1970; Пальванова 1961, 1967; Татыбекова 1963, 1975; Аминова 1975).

В советской историографии Худжум заслонял все прочие проявления гендерной политики. Его характеристики стереотипны и неконкретны: считалось, что Худжум закончился успехом, а главным достижением борьбы за свободу «женщины советского Востока» была ликвидация паранджи. Однако мнения могли расходиться относительно первоначальных целей Худжума. Ж. С. Татыбекова писала о следующем: «Лозунг “в наступление” означал переход от преимущественно разъяснительной работы к обязательному выполнению советских законов и директив партии по раскрепощению женщин Средней Азии» (Татыбекова 1975: 32). Позднее был обнаружен документ, в котором ликвидация паранджи не указывалась целью Худжума. Первый пункт документа гласил, что Худжум начат для «популяризации законодательства советской власти о раскрепощении женщин», второй о «содействии экономическому раскрепощению», а третий о «борьбе за грамотность» (Пальванова 1982: 166).

Советские исследовательницы искусственно расширяли хронологические рамки Худжума. Р. Х. Аминова делила его на два этапа: «подготовительный» – 1926–1927 гг. – и «закрепление результатов» – 1927–1932 гг. (Аминова 1975: 5).

Пальванова считала, что Худжум начался в 1923 г. во время планирования национально-территориального размежевания Средней Азии (Пальванова 1982: 164). Советские историки отмечали «решительную борьбу» суда, милиции и комсомола во время Худжума, но при этом ничего не говорили о роли отделов по работе среди женщин (женотделов), которые с 1920 года занимались раскрепощением женщин в СССР (Шукурова 1961: 101; Аминова 1975: 79–82; Пальванова 1982: 164). «Врагами раскрепощения» называли «агентов капиталистических держав в Средней Азии» – басмачей, баев и «мусульманское духовенство» (улемов).

В советской историографии есть особенности, сформировавшие полный пробелов нарратив раскрепощения женщин Средней Азии, который не менялся до конца 1980-х. Во-первых, долгое время историки не называли коренных жительниц региона мусульманками, говоря только о «работницах». Во-вторых, нехотя упоминались «европейки» (русские, еврейки, татарки и др.) – важная категория для дореволюционной, советской и постсоветской истории региона. В-третьих, изучалось влияние раскрепощения мусульманок на экономические показатели, что можно объяснить применением марксистско-ленинской теории, которая во главу угла ставила производственные отношения, а политические и культурные запросы классов считала вторичными. В-пятых, авторы игнорировали ключевую фигуру для Средней Азии 1920-х – И.А. Зеленского, который занимал пост ответственного секретаря Среднеазиатского бюро (Средазбюро) ЦК Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)) и первого секретаря ЦК Коммунистической партии большевиков Узбекской ССР (КП(б)Уз). В-шестых, темой «женского вопроса» в Средней Азии занимались, за редким исключением, представительницы коренных народов региона. Так, на всесоюзной научной конференции «Национальный аспект решения женского вопроса в СССР», которая прошла в Ташкенте 18–19 декабря 1975 г., доклады о Средней Азии делали ученые из этих республик, а о РСФСР – русские исследовательницы (Ахунова 1976: 56–57). Вероятно, негласное размежевание научного поля было продиктовано национальной политикой СССР, когда историю республик писали представители их титульной нации.

Только в период «гласности» некоторые историки начали сомневаться в достижениях Худжума. Д. А. Алимова утверждала, что, вопреки расхожему мнению о положительном решении «женского вопроса» в Средней Азии, это было далеко не так: «К сожалению, в настоящее время в

республике изучение женского вопроса не стоит в разряде наиболее важных научных разработок с выходом на практическое решение. Совершенно недостаточно освещается он и в печати. Появление статей на женскую тему в республиканской прессе носит стихийный характер. За 1987 годом, давшим заметный сдвиг по объему и качеству публикуемых материалов в связи с 60-летием «Худжума», последовал заметный спад интереса к данной проблеме, хотя она заметно далека от своего решения. В республике, где женский вопрос всегда был и остается животрепещущим, надо было бы иметь постоянно открытую трибуну на страницах той или иной газеты или журнала» (Алимова 1989: 51–56). Тогда же увидела свет книга, посвященная кампании за «фактическое раскрепощение» женщин «советского Востока»¹. Однако эта кампания была репрезентирована в каноничной форме – как успешная борьба за свободу мусульманок от «бытовых предрассудков» и паранджи.

На излете существования СССР было опубликовано исследование Д. А. Алимовой, в котором она изобличала советскую историографию, признав, что в 1930-е гг. «развивающийся процесс эмансипации женщин был заторможен. Особенно тяжелые последствия этого имелись в республиках Средней Азии, где на деле женщины еще не были вовлечены в производство, были распространены такие явления, как затворничество, паранджа, калым, выдача замуж несовершеннолетних, многоженство, умыкание невест. В этом видятся нам и истоки декларативного отношения к женскому вопросу в эти годы» (Алимова 1991: 4). Помимо прочего, статистические данные, которые приводились в советской историографии о мусульманках, сбросивших паранджу – неправдоподобны (Алимова 1991: 6).

В независимом Узбекистане исследовательница пересмотрела свои репрезентации. Д. А. Алимова считала, что Худжум был необходим не столько мусульманкам, сколько мужчинам, которые оказались морально не готовы распрощаться с доминантной позицией в семье и обществе, а также видеть женщин на улице без паранджи (Алимова 1998: 147–155). В то же время Худжум был не «схваткой классов», как утверждала советская историография, а борьбой за господство кардинально разных менталитетов – европейского и мусульманского (Алимова 1998: 147–155). Еще через несколько лет Д. А. Алимова начала позиционировать привлечение узбечек к труду как «закабаление», а советский путь достижения

равноправия – «насильственным» (Алимова 2008: 253–254). Д. А. Алимова начала воспроизводить гендерные стереотипы, например, что «природная функция» и «предназначение женщины» – это рождение детей, а не труд во благо общества и государства (Алимова 2008: 262).

Наиболее раннее исследование о мусульманках Средней Азии, написанное за пределами СССР и постсоветского пространства, принадлежит Г. Масселлу. Автор доказывал, что раскрепощение мусульманок было насильственной политикой и начато большевиками, исходя из утилитарных соображений – увеличения трудового резерва и осуществления экономических реформ (Massell 1974). По мнению автора, мусульманки были «суррогатным пролетариатом», потому что класса пролетариев в дореволюционной и ранней советской Средней Азии не существовало. Исследователь пришел к выводу, что коренные жители региона, в том числе коммунисты, не поняли, в чем суть Худжума, поэтому восприняли его как бескомпромиссную борьбу против паранджи (Massell 1974: 235). В начале XXI столетия увидел свет труд «Империя под паранджой», который во многом поддерживал представления Г. Масселла о раскрепощении мусульманок в Средней Азии (Northrop 2004). Автор исследования Д. Нортроп считает раскрепощение насильственной колониальной политикой большевиков, которая ничем не отличалась от западного и русского империализма. По мнению исследователя, для большевиков Средняя Азия представляла «лабораторию идентичностей», в которой русские проводили эксперименты над сознанием мусульман и переселенцев (Northrop 2011: 235–272). Худжум автор рассматривает как социокультурный эксперимент, который был затеян Средазбюро ЦК ВКП(б) совместно с Кавказским бюро, чтобы уничтожить религиозную идентичность коренных жителей (Northrop 2004: 82).

Вышедшая через несколько лет работа «Новая женщина Узбекистана» М. Кэмп выполнена в рамках устной истории и во многом уникальна, поскольку исследовательница в 1992–1993 гг. взяла ряд интервью у узбечек и женщин других национальностей, которые застали Худжум (Kamp 2006). Исследовательница доказывает, что раскрепощение в мусульманских республиках СССР не стоит считать продолжением русской колониальной политики. С другой стороны, Худжум был делом рук коммунистов-мусульман из среднего и низшего звена, которые своим рвением пытались доказать лояльность советской системе (Kamp 2014: 205–228). А. Эдгар приходит к несколько противоположному выводу, говоря, что «советская политика в отношении женщин

¹ Худжум – значит наступление. Сост. С. А. Дмитриева. Ташкент: Узбекистан, 1987.

Средней Азии в 1920–1930-е гг. не являлась имперской по намерениям, но оказалась имперской по сути» (*Edgar* 2006: 252–272). А. Эдгар соглашается с Г. Масселлом и Д. Нортропом, что целью раскрепощения мусульманок Средней Азии была экономическая модернизация (*Edgar* 2006: 252–272). М. Кэмп согласна с мнением Ш. Келлер, которая утверждает, что мусульманки во время Худжума остались между молотом и наковальней – советской властью, требовавшей «стать современными», и обществом, желавшим сохранить ограничения прав и свобод женщин, в том числе ношение паранджи (*Kamp* 2006: 12).

Настоящее исследование находится на пересечении нескольких методологических оптик – институциональной, социальной, культурной и гендерной истории. В данном случае раскрепощение мусульманок Средней Азии в 1920-е гг. анализируется сквозь призму восприятия сотрудниц женотделов, которые являлись прожектерами и исполнителями гендерных преобразований. Они неизбежно совершали ошибки, могли понимать общество и культуру коренных жителей схематично. Поэтому исследование опирается на культурный опыт и социально-политическую мысль сотрудниц среднеазиатских женотделов. Статья основана на широком круге источников. Их основной массив составляет документооборот между ташкентским центральным отделом по работе среди женщин (ташкентский ЦО) и московским ЦО. Был полностью изучен доступный для исследователей корпус делопроизводства среднеазиатских женотделов в Российском государственном архиве социально-политической истории² В московские архивы попали далеко не все документы, но и они содержат богатые сведения по истории «женского вопроса» в Средней Азии. Эти документы способны изменить ракурс изучения раскрепощения, который присущ советским и современным работам. С одной стороны, документы из московских архивов позволяют отказаться от восхищения раскрепощением, а с другой – от его безоговорочного осуждения. Московские архивы помогают сформировать общую картину раскрепощения мусульманок Средней Азии в 1920-е гг., при этом располагая источниками, способными проиллюстрировать уникальные случаи.

Для изучения раскрепощения в советской Средней Азии была привлечена публицистика, например, многочисленные агитационные брошюры и другие работы руководительницы ташкентского ЦО С.Т. Любимовой, статьи из журнала «Коммунистка», воспоминания сотрудниц

среднеазиатских женотделов, а также малоизвестная региональная периодическая печать, в первую очередь газета «Правда Востока». Свои публикации сотрудницы среднеазиатских женотделов рассматривали как инструмент агитации среди русскоязычных граждан, но и трибуной, с которой можно осветить проблемы гендерного равенства в мусульманском обществе. Пристальное внимание сотрудницы женотделов уделяли мусульманкам, о проблемах европейек писали редко. Публикационную активность сотрудниц среднеазиатских женотделов нужно рассматривать как желание удержать интерес советских граждан и влиятельных партийных фигур к теме гендерного равенства в регионе. Цель настоящего исследования – выяснить, к каким последствиям для власти и общества коренных жителей Средней Азии привел Худжум. Проблематика настоящей статьи заключается в определении причин разрыва в репрезентациях Худжума в историографии и источниках.

Раскрепощение мусульманок до 1927 года

Раскрепощение мусульманок в РСФСР началось в 1920 г. под руководством А. М. Коллонтай. Первый проект по раскрепощению мусульманок, опубликованный в журнале «Коммунистка», был составлен московским ЦО и ориентирован на волго-уральский, оренбургский и астраханский регион, о Средней Азии и Кавказе речи не шло³. Ими озаботились в 1921 г. Тогда в Москве было создано Восточное бюро, которое занималось раскрепощением мусульманок на «советском Востоке»⁴. В 1921 г. ташкентский ЦО самостоятельно разработал проект по раскрепощению мусульманок Средней Азии⁵. Стержнем раскрепощения среди них провозглашалась агитация, а целью – избавление от «религиозных и бытовых пережитков»: калыма, многоженства, выдачи замуж малолетних, левирата, непропорционального разделения обязанностей по дому между супругами. О ликвидации паранджи в проекте ничего не сказано. Начавшаяся работа среди городских мусульманок Средней Азии была прервана до 1923 г. из-за обострения Гражданской войны – одно из требований басмачей было прекратить раскрепощение.

С прибытием из Москвы в 1923 г. С. Т. Любимовой работа ташкентского ЦО начала оживать. Стали практиковаться методы раскрепощения, характерные для РСФСР. Первым методом было

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10; Ф. 61. Оп. 1–3; Ф. 62. Оп. 1–4 и др.

³ О работе среди мусульманок // Коммунистка. 1920. № 5. С. 42.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 39. Л. 20–22.

⁵ Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. 34. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–27.

участие в делегатском движении. Делегатки – это активистки, которые должны были хорошо знать советские законы и защищать женщин от произвола власти и мужчин (*Стайтс* 2004: 456). Политическое раскрепощение было непопулярным методом в Средней Азии. В регионе не существовало моделей взаимодействия женщин с властью, поэтому мусульманки боялись любых контактов с сотрудницами женотделов, которые просили поделиться с ними личной информацией⁶. Партийные функционеры указывали, что женщины заняты вопросами выживания, поэтому у них нет сил заниматься политикой⁷. Одна из сотрудниц московского ЦО утверждала, что делегатское движение в Средней Азии было характерной чертой городской жизни, а в сельской местности, кочевьях и горах оно отсутствовало (*Заварьян* 1926: 66–70). Позднее инспекция московского ЦО выявила, что среднеазиатские женотделы с 1925 г. не проводили перевыборы делегаток, а затем вообще их отменили⁸.

Вторым методом был труд. В Средней Азии не существовало развитой промышленности – это был сельскохозяйственный регион⁹. Изначально женотделы пытались создавать различные артели, но они не стали востребованными среди мусульманок¹⁰. Они признавались, что «труд вне дома им не нужен», поскольку на работающую женщину «смотрели как на человека, пошедшего против религии» (*Любимова* 1925а: 25). В 1926г. в Ташкенте была открыта табачная фабрика «Уртак». На ее открытии выступал председатель местного отдела Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) Ударов, который сказал: «Новая табачная фабрика кладет начало развитию промышленности в Средней Азии. Фабричная машина не только делает товар, она воспитывает новых борцов и строителей социализма, особенно из коренного населения и особенно женщин» (*Октябрьев* 1926: 5). Однако «обследование» фабрики, проведенное в 1926г. ташкентским ЦО, установило, что европейки и мусульманки испытывают взаимную неприязнь¹¹. Директор фабрики А. Г. Зеленская была невысокого мнения о продуктивности труда мусульманок. Директор утверждала, что они «мало-

способны к работе, чрезвычайно медлительны и много прогуливают»¹².

В то же время Туркменской ССР в безвозмездное пользование передали текстильную фабрику в Реутове (Московская область), куда на стажировку отправляли туркмен (*Дробот* 1926: 4). Они стажировались на текстильном комбинате «Красная талка» в Ивано-Вознесенске¹³. Туркмены были членами партии большевиков, неграмотными, приехавшими в РСФСР вместе с женами и детьми. Туркменок долго не допускали до работ на станках, поскольку они никак не могли овладеть русской грамотой. Относительно успешной для жительниц Узбекской ССР оказалась вторая земельно-водная реформа (1925–1926). Во время ее реализации государство помогало дехканкам создавать артели и собственные хозяйства, которые смогли убедить мужчин-дехкан, что труд женщин материально выгоден для отдельной семьи и кишлака (*Любимова* 1926а: 56–59). Вторая земельно-водная реформа способствовала ликвидации части предрассудков среди мужчин относительно способностей женщин самостоятельно руководить хозяйством¹⁴.

Третьим и наиболее важным для ташкентского ЦО методом было просвещение. Оно было тесно связано с идеей перевоспитания, а также с агитацией. Женотделы имели связь с широкой сетью просветительских институтов. Начиная с 1920 г. в крупных городах региона стали появляться советские школы, а также школы ликвидации неграмотности для девочек¹⁵. Однако и те и другие оказались невостребованными коренными жителями, поскольку преподавательский состав был мужским (*Бендриков* 1960: 457–458). В дополнение к этому, в 1923 г. было введено совместное обучение мальчиков и девочек¹⁶, а также плата за обучение и посещение библиотек (*Рачинская* 1925: 66–74). Неожиданно начали развиваться и приобрели популярность мусульманские старометодные мактабы для девочек, которых стало больше, чем мужских, особенно в Бухаре¹⁷.

Другим институтом просвещения были женские клубы, которые стали появляться в середине 1920-х гг. Например, деятельность ташкентского показательного женского клуба им. Н. К. Крупской была направлена на всестороннее развитие мусульманок. С ташкентским женским клубом сотрудничали творческие и

⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 446. Л. 17–21.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 222. Л. 1–4.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 222. Л. 1–4.

⁹ От «наступления» к систематической работе. К обследованию работы в Средней Азии // Коммунистка. 1928. № 1. С. 57–63.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 775. Л. 1–31.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–44.

¹² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 794. Л. 69–74.

¹³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 794. Л. 69–74.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 428. Л. 9–10.

¹⁵ Кампания за раскрепощение женщины в Узбекистане // Правда. 20 марта 1927 г. № 64. С. 6.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1700. Л. 60–80.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 428. Л. 75.

¹⁸ Шура-мактабе // Правда Востока. 25 июля 1927 г. № 166. С. 2.

спортивные кружки, общества изучения национальных культур¹⁸, а также мусульманкам оказывалась материальная (предоставление работы), гуманитарная и юридическая помощь¹⁹. Важным направлением раскрепощения через просвещение была санитарно-гигиеническая агитация. Сотрудницы женотделов добивались, чтобы мусульманки обращались за квалифицированной помощью в советские больницы и амбулатории, рожали в стерильных условиях, растили детей в соответствии с «современными» нормами здравоохранения (Любимова 1926b: 29). Однако все усилия женотделов приводили к обратному эффекту. Коренные жительницы все больше доверяли свои жизни табибам. Их даже приводили с собой в качестве экспертов в больницы и амбулатории, чтобы те подтвердили или опровергли диагноз, поставленный советским врачом. От заключения табиба зависело, будет ли пациент принимать лечение, прописанное советским доктором (Хубларов 1926: 5).

Отдельным направлением деятельности женотделов была защита гражданских прав мусульманок. Женотделы хотели оздоровления отношений в семьях мусульман, что подразумевало высвобождение времени для получения образования и освоения женщиной профессии (Любимова 1926c: 11). Голод, который разразился в регионе в 1918–1923 гг., сказался на гендерных отношениях мусульман. Мужчины в Бухаре и Хорезме стали низводить женщин до уровня скотины, покупаемой на базаре, говоря: «Верблюды подешевели, женщины подорожали» (Любимова 1925b: 4). В Фергане были отмечены случаи «закупки женщин оптом». «Цена» калыма сильно упала и родители, желая спасти от смерти девочек, «продавали» их за «любую цену, даже за пуд лебеды» (Любимова 1924: 40–41). В 1923 г. были переутверждены принятые в 1921 г. декреты о запрете калыма, многоженства и выдачи замуж несовершеннолетних (девочек до 16 лет), а также вступил в силу закон, по которому все браки должны были регистрироваться только через ЗАГС с разрешения женотдела²⁰.

Следствием этого стало, во-первых, ожидание родителями девочек наиболее выгодного предложения, во-вторых, заключение брака в ЗАГСе стали совмещать с нормами адата и шариата, т.е. союз молодоженов дополнительно фиксировался ахуном или муллой на домашних церемониях никаха²¹. В 1925 г. в Узбекской ССР через ЗАГСы регистрировались уже тысячи браков с участием

ахуна или муллы²². Чтобы получить разрешение на второй брак, мусульмане, случалось, калечили своих жен. Например, в женотдел Зеравшана «пришел 70-летний старик и просил разрешение жениться на второй жене, ссылаясь на то, что первая неспособна к половой жизни. Жене 32 года. Женотдел направил ее к врачу, который выдал удостоверение, что женщина вполне нормальная. Жениться старику не разрешили, и он ушел. Через месяц явился с новым удостоверением, в котором говорилось, что жена действительно к половой жизни не способна. Разрешение на женитьбу он получил. Желая узнать, что случилось с женщиной, вызвали ее в женотдел. Оказывается, муж разрезал у нее ножом промежность между задним и передним проходом, залечил рану туземными средствами и тогда повел к врачу» (Мичурина 1926a: 3). У среднеазиатских женотделов были некоторые успехи в сфере охраны прав и свобод мусульманок, правда в рамках шариата. Большевики ограничили его уголовно-правовую часть, но казиям разрешали заниматься бракоразводным процессом, выносить решения о праве собственности и наследования, купле-продаже движимого и недвижимого имущества (Абидова 1973: 39–41). Известен случай, когда в 1924 г. узбечка Ахмерова из Бухары стала казимем. Она работала в вилаятах среди дехканок, разбирая совместно с мужчинами-казиями жалобы женщин²³. Также известно, что в 1925 г. обсуждалась возможность сотрудничества женотделов с кишлачными женщинами-ишанами, чтобы через них влиять на дехканок²⁴. Насколько такой подход оправдал себя – неизвестно.

Мусульманки часто подавали на развод через шариатский суд, но, по уверениям руководительницы ташкентского ЦО, он никогда не вставал на их сторону (Любимова 1925c: 4). Поэтому в 1926г. ташкентским ЦО была инициирована проверка судов и милиции на предмет соблюдения прав женщин. Инспектор Т. Мичурина выявила множество нарушений прав мусульманок. Так, судьи в Киргизской автономной области (КАО) специально затягивали с решением по делам киргизок, в то время как дела европейек проходили все процессуальные механизмы вовремя²⁵. Районные народные суды КАО работали еще хуже. В Китмень-Тюбинском районе суды отказывали давать развод по жалобам мусульманок, объясняя это так: «Раз муж не желает – нельзя»²⁶. Было известно, что мусульманке нет смысла идти в Беловодский или Токмакский народный суд, поскольку

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 432. Л. 25–26.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 442. Л. 203–208.

²¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 446. Л. 17–21.

²² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 439. Л. 36–63.

²³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 443. Л. 148–152.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Л. 175–177.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 70–72.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21.

там полностью игнорировали их заявления²⁷. Суды в «старом» Ташкенте страдали от волокиты с разбирательством исков, возбужденных мусульманками: 91% из них являлись с заявлениями на развод по причине побоев²⁷. В Туркменской ССР оказалось, что в 1925–1926 гг. было заведено 30 уголовных дел по статье «убийство», но ни одно не было расследовано. Во всех случаях жертвами были туркменки, а причинами расправ – желание женщин воспользоваться советским законодательством, чтобы предъявить права на собственность или детей (*Мичурина* 1926b: 80–83). В частных разговорах с инспектором туркменки признавались: «Осла убьют – суд штраф платить заставит. Женщину убьют – ничего не будет» (*Мичурина* 1926b: 80–83). В Зеравшанской области Таджикистана инспектором было установлено, что местные судебные работники совершенно не знают советских законов и судят исключительно по шариату (*Мичурина* 1926a: 3).

Альтернативой обращения в суды была подача заявления в милицию. Но зачастую это было бесполезной тратой нервов, времени и сил, поскольку «правоохранительные органы игнорировали прошения мусульманок и без разбирательств выносили решение в пользу мужчин» (*Любимова* 1925a: 18). Милиция нередко игнорировала правовую дискриминацию мусульманок, а зачастую работники правоохранительных органов сами этим грешили. Сотрудница ташкентского ЦО Николаева писала в «Правду Востока» о приставаниях милиционеров к делегаткам с «гноусными предложениями» в «старом» Ташкенте в районе Шейхантаур (*Николаева* 1925: 4). Один следователь в КАО заявил Т. Мичуриной, что дела о калыме закрывают из-за отсутствия состава преступления, даже когда «плата зафиксирована, ее не отрицает ни отец, ни покупатель, но, поскольку женщина не заявляет о насилии, состава преступления нет»²⁸. Квалификация сотрудников узбекской милиции также была низкой. В узбекской милиции «никакой помощи женщинам не оказывается и даже реестра, где бы фиксировались заявления от женщин, нет. Органы милиции считают, что в их функции не входит оказание помощи женщинам, а таковая должна оказываться исключительно женотделами, куда они и направляют их со своими заявлениями»²⁹.

Следователи отделений «старого» Ташкента записывали женщин, подавших заявление в милицию, душевнобольными, отправляя на про-

хождение психологической экспертизы³⁰. Чтобы лишить милицию возможности отводить иски под предлогом «психической неуравновешенности» женщин, ташкентский ЦО добился того, чтобы мусульманки могли подавать заявления напрямую прокурору, после чего количество «психически нездоровых мусульманок резко сократилось»³¹. Наиболее полно пороки среднеазиатских работников правоохранительных органов описала поэтесса А. В. Алматинская в письме И.А. Зеленскому: «Вы говорите о поднятии авторитета советских органов. Но ведь женотделы не могут этого сделать, потому что сами представители этих органов в большинстве случаев делают все, чтобы уронить ниже этот авторитет. Там, где начальник милиции убивает жителя кишлака, чтобы завладеть его женой и имуществом, где милиционеры насилуют делегаток как проститутток только потому, что они сбросили чачван и разговаривают с мужчинами, где председатель исполкома арестовывает женщину, ушедшую от мужа, где судьи берут взятки и тянут по 2 года дела жен, ищущих с мужа алименты или даже свое собственное имущество, там нельзя говорить об авторитете»³².

Худжум

Сотрудницы среднеазиатских женотделов, начиная с 1924 г., когда их стали пускать на заседания ЦК КП(б)Уз³³, не переставая жаловались, что члены партии и комсомольцы игнорируют законодательство о гендерном равенстве и всячески сопротивляются раскрепощению³⁴ (*Судаков* 1927: 22–27). 8 марта 1926 г. в «Правде Востока» была опубликована статья И. А. Зеленского, в которой он в очередной раз угрожал снять с занимаемых постов членов партии, сопротивлявшихся раскрепощению³⁵ (*Зеленский* 1926a: 1). По всей видимости, угрозы председателя Средазбюро ЦК ВКП(б) никто из партийцев серьезно не воспринял. Тогда 22 сентября 1926 г. он выступил с докладом на III краевом совещании женотделов, на котором выдвинул лозунг «В наступление!» против устаревшего женского быта³⁶. С.Т. Любимова писала, что Средазбюро ЦК ВКП(б) рассматривало Худжум как проверку узбекских партийцев на лояльность советской системе, борьбу с оппортунизмом и искажением законодательства о гендерном равенстве (*Любимова* 1928a: 16). В одной из

²⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 143–146 об.

³¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 84–95.

³² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 445. Л. 64–73.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21.

последующих статей И.А. Зеленский дал четкое определение, чем должен быть Худжум:

«Советский аппарат в ряде мест относится или формально к выполнению законов, или, саботируя, извращает их. Партия не в состоянии проконтролировать и обеспечить подлинное выполнение нашего советского законодательства. Что же нужно делать? В культурно-бытовой работе мы должны выдвинуть целый ряд задач, в том числе, борьбу за женскую школу. Мы подчеркиваем – за женскую школу. Коренному населению кажется диким совместное обучение мальчиков и девочек. Поэтому мы должны повести серьезную борьбу за овладение женской школой. Мы должны развернуть работу за развитие врачебной помощи, внедрение санитарии, гигиены, всего того, что облегчает жизнь человека.

У нас в вопросе постановки партийной работы среди женщин есть много условного, формального, много лицемерия и фальши. У нас в некоторых случаях проявляется совершенно ненужная снисходительность и мягкосердечие к тем членам партии, которые, формально признавая необходимость борьбы за раскрепощение женщин, фактически – на деле – каждый раз нарушают партийные требования, наши советские законы. До тех пор, пока мы каждому ответственному коммунисту не будем предъявлять более строгих требований, до тех пор, пока мы нашим коммунистам, ответственным работникам, которые претендуют по своему коммунистическому званию на руководящие посты в партии и советском аппарате, не скажем: если ты претендуешь на руководство как коммунист, то, пожалуйста, будь добр, следуй коммунистической идеологии; а, если ты не можешь следовать ей, еще недостаточно отделился от буржуазной идеологии и если тебя сильно держат в своих лапах баи, муллы и ишаны, тогда, пожалуйста, не претендуй ни на руководство партией, ни на руководство в советском аппарате, – до тех пор пока этого не будет – мы реальных результатов в борьбе за раскрепощение не увидим» (Зеленский 1926b: 2).

Таким образом, Худжум должен был произвести разрыв с исламскими ценностями в головах чиновников. Во время Худжума мусульмане-коммунисты и комсомольцы должны были оказаться в авангарде борьбы за раскрепощение и на личном примере доказать преданность советской власти и ее идеологии. В 1926 г. именно такие ориентиры описывала в своем письме, адресованном И. В. Сталину, руководительница ташкентского ЦО С.Т. Любимова и ее заместительница С.Н. Шимко³⁷. В этом письме ничего не было сказано о ликвидации паранджи. В ноябре 1926 г. на IV краевом совещании заведующих женотделами З. А. Прищепчик предупреждала чиновников из Сре-

дазбюро ЦК ВКП(б), что во время Худжума не удастся избежать «женских трагедий»³⁸. С другой стороны, Худжум был затеян как правовой и социокультурный эксперимент. В том случае, если он пройдет успешно, подобную кампанию хотели провести на Северном Кавказе, где раскрепощение мусульманок к тому моменту толком не началось³⁹. В декабре 1926 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, что Худжум будет начат 8 марта 1927 г.⁴⁰

Решение было принято вопреки информации из секретных сводок Восточного отдела полномочного представительства Объединенного государственного политического управления (ВО ПП ОГПУ) в Средней Азии, из которых было известно, что 95% населения Узбекской ССР против раскрепощения⁴¹. Яркий тому пример – выдержка из перлюстрированного ВО ПП ОГПУ письма самаркандского коммуниста Султанзаде Шарафутдинова. Письмо было отправлено в Ташкент некоему Усманову 11 января 1927 г. С. Шарафутдинов, размышляя о свободах женщин, писал: «Вы и Ваше движение вышли из колеи, имеется культура, образование, новые убеждения, но они ошибочны. Возьмем французов. У них женщины и девушки ведут себя крайне непристойно, и в их жизни много гадостей – это следствие того, что женщины ходят раскрытыми, весь же народ одержим венерическими болезнями. Возьмем русских женщин, они живут с узбеками, киргизами, армянами, евреями, лезгинами, таджиками, и в результате нет ни одной честной женщины, и все потому, что добились “культуры” 1000 лет тому назад. Возьмем в пример зампреда ЦИКа Султан Ходжа Касым Ходжаева, он много учился, боролся за революцию, жил с чернорабочими, находился под арестом за рабочих и крестьян, имеет высшее образование, но все-таки жены своей не открывает. Другой пример Файзулла Ходжаев, который является безукоризненным революционером, но жены своей также до сих пор не открыл. То же самое и Ахунбабаев»⁴². С. Шарафутдинов воспроизводил оксиденталистский дискурс, высмеивая достижения европейского Просвещения. Права человека и гендерное равенство чиновник считал пагубными для узбеков. Также он полагал, что личная свобода женщин, особенно ее европеизированный внешний вид, приведут к процветанию проституции и венерическим заболеваниям. Чиновник признавал грамотных и космополитичных европейек опасностью для национальной

³⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 31–36.

³⁸ Среднеазиатское совещание работников среди женщин. Доклад т. Зеленского // Правда Востока. 22 сентября 1926 г. № 218. С. 3.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 778. Л. 13–14.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1196. Л. 1–31.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1211. Л. 1–47.

⁴² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1211. Л. 1–47.

идентичности узбеков. При этом С. Шарафутдинова нельзя назвать антисоветчиком, поскольку он уважительно отзывался о коммунистах-узбеках.

Иными словами, Худжум готовился без надежной социальной поддержки. Помимо отсутствия лояльности коммунистов, процент грамотных мусульманок в городах Узбекской ССР находился в диапазоне от 0,2% до 0,7%⁴³. Женотделам не хватало сотрудниц из коренного населения. Ощущался серьезный дефицит бюджета. К 1927 г. большинство мусульманок остались плохо интегрированными в советскую экономику⁴⁴. Накануне Худжума выяснилось, что коммунисты-мусульмане, комсомольцы и другие государственные служащие не воспринимали Худжум как комплексную кампанию, а беспокоились только о сохранении паранджи, сделав этот вопрос центральным⁴⁵. За день до начала Худжума председатель ЦИК Узбекской ССР Ю. А. Ахунбаев подписал постановления «О предоставлении особых льгот женщинам по охране их через судебные учреждения от насилия и оскорблений по поводу снятия паранджи» и «Об охране открывшихся женщин» (Машарипова 1990: 49). Они гарантировали обеспечение денежной компенсации или выдачи пенсии родным и семьям мусульманок, пострадавших от рук бандитов. В то же самое время судам и милиции были даны распоряжения, что в приоритетном порядке на открытых заседаниях и с привлечением журналистов необходимо разбирать дела об оскорблениях и убийствах мусульманок (Аминова 1975: 90).

Итак, 8 марта 1927 г. на ташкентском торжественном митинге собралась элита женотделов: К. Цеткин, А. В. Артюхина, А. И. Нухрат, С.Т. Любимова, Е.А. Росс и другие. Митинг проходил в «старой» части города, растянувшись от Шейхантаура до Хадры⁴⁶. С. Т. Любимова на митинге произносила речь, в которой высмеивала патриархальные роли мужчин и женщин, характерные для средневековья: «Кампания “Наступления”, говорила она, является величайшей по важности, которая когда-либо проходила за все годы работы партии среди женщин Средней Азии. От того, как эта кампания будет проведена, зависит вся дальнейшая работа по раскрепощению женщин не только в Средней Азии, но и во всех республиках и областях советского Востока. Прошли давно те времена, когда мужчина-воин должен был отвоевывать и защищать право на существование своей семьи и рода, а женщина выполняла

менее важные функции и при каждом набеге и столкновении могла стать добычей победителя. Кампания “Наступления” – это объявление войны прежде всего муллам и баям. Перед партией в Средней Азии вопрос о “Наступлении” стоит не в плоскости – “можно ли”, а настойчивым требованием – “нужно во что бы то ни стало”! “Наступление” в партийной среде – это борьба за создание подлинно большевистских, ленинских кадров»⁴⁷. Нужно подчеркнуть, что сотрудницы среднеазиатских женотделов и русскоязычные чиновники говорили не о Худжуме, а именно о «Наступлении». Милитаристская риторика сопровождала многие кампании в Средней Азии в 1920-е гг. Например, до этого с «наступлением» связывали проведение второй земельно-водной реформы (Аульный 1925: 4). Милитаристская риторика была необходима, чтобы русскоязычные граждане, малочисленная, но консолидированная опора большевиков в регионе, постоянно находились мобилизованными и готовыми проводить линию партии в жизнь.

Довольно быстро в ташкентском ЦО поняли, что «Наступление» выдыхается. О первых убийствах мусульманок стало известно через несколько дней после 8 марта⁴⁸. 15 апреля 1927 г. в Ташкенте прошло совещание местного и московского ЦО с участием членов ЦК КП(б)Уз. На совещании с докладом выступила сотрудница московского ЦО Ф. Е. Нюрина, посетившая КАО, Узбекскую и Туркменскую ССР⁴⁹. С одной стороны, она призналась, что ничего не знает о регионе, с другой восторженно описывала Худжум. После доклада начались прения. Первой слово предоставили С.Т. Любимовой, которая критиковала Ф. Е. Нюрину за неправильное понимание сути раскрепощения в Средней Азии – только как привлечение мусульманок к труду и ликвидацию паранджи. С. Т. Любимова говорила, что здесь раскрепощение носит комплексный характер. Аналогичную мысль высказывал Акмаль Икрамов: «Мы не ставим вопрос о раскрепощении таким образом, чтобы снимать только паранджу. Здесь вопрос о вовлечении во всю общественную работу, в партию, союзы “Кошчи”, профсоюзы, производство и т.д.»⁵⁰. Кроме того, все собравшиеся на совещании не отмечали серьезных успехов Худжума.

«Отступление»

Достижения на «фронтах» «Наступления» оказались пирровой победой. В середине лета

⁴³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1214. Л. 1–5.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1214. Л. 30.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 445. Л. 96–98.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1711. Л. 2–50.

⁴⁷ Фергана к 8 марта // Правда Востока. 28 февраля 1927 г. № 48.

⁴⁸ В старом городе // Правда Востока. 10 марта 1927 г. № 58.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1206. Л. 10–12.

1927 г. произошло то, что в документах и воспоминаниях сотрудниц женотделов получило метафорическое название «Отступление». Главными «врагами» Худжума оказались вовсе не муллы и улемы, а коммунисты-мусульмане, комсомольцы, судьи, работники милиции. В 1927 г. коммунисты-мусульмане пытались использовать оппозиционно настроенную к советской власти интеллигенцию, чтобы дискредитировать Худжум. ВО ПП ОГПУ сообщало, что трое ташкентских коммунистов (в документе не указаны их имена) приходили домой к Мунаввар-кары Абдурашидханову⁵¹, который был известен своей антисоветской позицией, что не мешало ему работать в вакуфном отделе Народного комиссариата просвещения (НКП) и Главном вакуфном управлении (ГВУ) (Халид 2022: 172, 288–289, 352). Коммунисты просили М. Абдурашидханова написать в одну из газет статью от лица мусульманок, которые против Худжума. Абдурашидханов статью писать отказался⁵², поскольку в тот момент вел переговоры с ВО ПП ОГПУ о примирении с советской властью (Халид 2022: 489–490).

В кишлаке Джан-Джалъ Касансайского района Андижанского округа некий партиец Камбар Али Умар Алиев, будучи в чайхане среди 20 человек, предвкусал «перемены к лучшему»: «Власть насильно открывает женщин, но бояться ее не надо. Если кто будет вызывать женщин на собрания, этих лиц ловить и убивать, ибо теперь можно ожидать возникновения басмачества. Бог даст, через неделю они появятся»⁵³. В Фергане член партии Мирзабай Байбача Карабашев, находясь в чайхане, делился с друзьями своими сексистскими взглядами: «Теперь необходимо жениться исключительно на религиозных женщинах, которые никогда не откроются, и говорил о том, что из узбечки никогда не получится полезной общественной работницы из-за ее неразвитости»⁵⁴. Ученик школы хлопкового комитета и комсомолец Кузы Гиясов в присутствии друзей оскорбил одноклассника Набиева, сказав: «Твоя мать сбросила паранджу, и теперь она превратится в проститутку»⁵⁵. Начальник милиции селения Желалабад Ферганской области Батыров прилюдно заявил, что «скорее оставит службу, чем откроет свою жену»⁵⁶.

Худжум спровоцировал появление соци-

ально-психологического террора в отношении мусульманок. Особенно остро он проявлялся в Узбекской ССР в городах Андижан, Наманган и Коканд⁵⁷. Социально-психологический террор выражался не только в прямом физическом насилии, но и в доведении женщин до самоубийства. К решению покончить с собой приводили социальная травля и прилюдные унижения достоинства, распускание слухов, порочащих честь и достоинство девушек⁵⁸. Отмечались случаи насильственного спаивания для группового изнасилования раскрепощенных мусульманок (Любимова 1928а: 19)⁵⁹. Были выявлены случаи группового изнасилования, а затем убийства, расчленения и сжигания трупов девушек⁶⁰. Это девиантное поведение являлось желанием мужчин продемонстрировать власть, возвыситься и самоутвердиться. Сексуальное насилие над мусульманками превращало их в изгоев, которых не принимало ни общество, ни родители. Жертвы не имели возможности реабилитироваться. Мужчины мстили женщинам за то, что они посмели претендовать на пересмотр властных отношений внутри патриархального общества, тем самым видоизменяя морально-нравственные устои. Сексуальное насилие над мусульманками – это акт прерывания рода.

Летом 1927 г. женотделы инициировали проверку «успехов», которых удалось достичь. Инспекторы испытали шок, когда столкнулись с действительностью, а не статистикой, которую подавали чиновники в отчетах. Сотрудницы женотделов в своих воспоминаниях и исследовательницы приводят данные приблизительно о 90–100 тысячах мусульманок, сбросивших паранджу с марта по май 1927 г. (Аминова 1977: 4–8). В октябре 1927 г. в Ташкенте на Всеузбекском совещании работников среди женщин активистка Т.П. Аринкина признала, что ташкентский ЦО не проводил верификацию цифр: «Более серьезные подсчеты убедили нас, что успехи наши были преувеличены»⁶¹. Оказалось, что даже успехи по ликвидации паранджи были декларативными. Обличал коммунистов-мусульман в своих воспоминаниях один из лидеров «Туркестан мухтория-ти» Мустафа Чокаев:

«Ответственные “руководители революционно-социалистического” Узбекистана приходили на митинги со своими “открытыми” женами, которые сейчас же по возвращении домой закрывались сно-

⁵⁰ «Вот тебе освобождение» // Правда Востока. 18 марта 1927 г. № 64. С. 3.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1211. Л. 1–47.

⁵² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1211. Л. 1–47.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1214. Л. 1–5.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1214. Л. 1–5.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 777. Л. 78–79.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 777. Л. 78–79.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 777. Л. 78–79.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1211. Л. 229–230.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 777. Л. 78–79.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 151. Оп. 2. Д. 5. Л. 2–4.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 777. Л. 76–77. ⁶² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1206. Л. 87–88.

ва. Иногда “революционные вожди” обзаводились двумя категориями жен: “открытыми советскими”, с которыми “революционно шагали” по улицам, и закрытыми “мусульманскими”, которых прятали дома строже прежнего, чтобы как-нибудь не скомпрометировать своей “революционности”. Члены партии и комсомола, должностные явить пример, на словах много и громко кричали об открытии женщин, на деле же были против открытия. Среди ответственных работников, поддерживавших противников открытия женщин, значится московский фаворит и бессменный председатель совнаркома Узбекистана, и он же один из фигурантов-председателей ВЦИК СССР Файзулла Ходжа» (Чокай 1993: 49–50).

В ноябре 1927 г. на V среднеазиатском краевом совещании работников среди женщин И. А. Зеленский признал, что «кампания по “фактическому раскрепощению” мусульманок провалена, а женотделы получали ложные показатели, что создавало иллюзию успешности»⁶². Провал Худжума признала и руководительница московского ЦО: «У вас здесь не сделано много того, что уже проведено работницами и крестьянками в РСФСР или Украине. Работа по фактическому раскрепощению женщин далеко не завершена. Эта работа в последние месяцы замирает, происходит не «наступление», а «отступление»⁶³. Активистка ташкентского ЦО Муратова акцентировала внимание на том, что, «несмотря на четкую установку, данную на III краевом совещании, вопрос фактического раскрепощения рассматривался как вопрос о снятии паранджи. Туркмены и киргизы рассматривали “наступление” примерно так: внешних признаков затворничества нет, женщины паранджи не носят, следовательно весь вопрос сводится к борьбе с калымом, многоженством и т.п. Там не учли, что и туркменка, и киргизка закрепощены не менее узбечки, – они не имеют права говорить в присутствии старших, в присутствии посторонних не имеют права выйти на базар, чтобы продать свои изделия – ковры, шелк и прочее»⁶⁴.

Почему же провалился Худжум? В расследовании 1928 г. московским ЦО сделан вывод – «среднеазиатские женотделы упустили нити контроля за “Наступлением”, поэтому на нижнем уровне партийной иерархии наблюдался хаос и непонимание как вести работу»⁶⁵. Между женотделами и наркоматами не было налажено взаимопонима-

ние, поэтому они работали асинхронно, не зная, кто и чем занимается. С. Т. Любимова объясняла провал Худжума халатностью коммунистов-узбеков, воспринявших кампанию как временную меру (Любимова 1928а: 18). А.И. Нухрат считала, что вина лежит на советских чиновниках, которые не смогли обеспечить безопасность отказавшихся от «затворничества» мусульманок. Они оказались брошены на произвол судьбы, деморализованы, поэтому их не получилось интегрировать в политическую систему, трудовую деятельность, институты просвещения (Нухрат 1932: 27). «Правда Востока» причиной провала называла бездействие судов и милиции, которые не хотели защищать мусульманок⁶⁶. В другой газетной статье прямо говорилось, что «суды и милиция, получившие в преддверии “Наступления” четкие указания всеми силами защищать жертв насилия, не подчинялись распоряжениям Средазбюро ЦК ВКП(б)»⁶⁷.

На наш взгляд, результаты раскрепощения мусульманок в Средней Азии и Худжума зависели от вовлеченности сотрудниц женотделов в культурную жизнь региона, в первую очередь, в знание языков коренных жителей. За нежелание их учить женотделы ругал И. А. Зеленский⁶⁸. Худжум оказался провальной кампанией, потому что между различными уровнями политической власти не было достигнуто понимание на базовом уровне. Руководство республик, за редким исключением, являлось европейцами, которые не знали местные языки, а чиновники среднего и низшего звена – русского, на котором отдавалось большинство распоряжений. Эта проблема упоминается в проекте по коренизации государственного аппарата в Средней Азии⁶⁹. О проблеме с коммуникацией между европейцами и сотрудницами из коренного населения говорила руководительница андижанского женотдела Т. Шадиева⁷⁰. Кроме того, делопроизводство среднеазиатских женотделов до 1930 г. так и не перешло на языки коренных жителей. Чиновники среднего и низшего звена не могли понять истинные цели проектов по гендерному равенству просто потому, что не владели русскоязычной по-

⁶⁶ Доклад т. Артюхиной на Среднеазиатском краевом совещании работников среди женщин // Правда Востока. 29 ноября 1927 г. № 272. С. 3.

⁶⁷ От «наступления» к систематической работе. К обследованию работы в Средней Азии // Коммунистка. 1928. № 1. С. 57–63.

⁶⁸ В борьбе за раскрепощение // Правда Востока. 9 июля 1928 г. № 154. С. 1.

⁶⁹ Раскрепощение женщин – важный участок классовой борьбы // Правда Востока. 11 ноября 1928 г. № 259. С. 2.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 31–36.

⁶³ Пути намечены – снова за работу. На Всеузбекском совещании работников среди женщин // Правда Востока. 11 октября 1927 г. № 233. С. 3.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1196. Л. 39–56.

⁶⁵ Доклад т. Артюхиной на Среднеазиатском краевом совещании работников среди женщин // Правда Востока. 29 ноября 1927 г. № 272. С. 3.

литической терминологией и его смысловым аппаратом. В свою очередь, негативное отношение населения к идее гендерного равенства, которое было основано на сакрализации подчиненного состояния мусульманки традициям и авторитету семьи, затрудняло внедрение новых представлений о роли женщины в политике, экономике, обществе и культуре.

Почему советские историки, а за ними и западные воспроизводили нарратив о том, что Худжум оказался успешным, а главным его символом было уничтожение паранджи? Например, согласно воспоминаниям А. В. Алматинской, Средазбюро ЦК ВКП(б) пыталось представить Худжум как запрос «трудящихся масс снизу». Осенью 1926 г. в ташкентский ЦО якобы поступили письма мусульманок Полторацка, Бухары, Коканда и других городов о желании почтить память В. И. Ленина, публично уничтожив в огне паранджу на октябрьские праздники. Средазбюро ЦК ВКП(б) решило приурочить это мероприятие к более символической дате – Международному дню работниц (*Алматинская* 1971: 3–4). Кажется, советской власти было важно закрепить в культурной памяти среднеазиатского общества представление, что возврат к патриархальным отношениям невозможен. Лучшим способом доказать это было создание нарратива о бескомпромиссной борьбе за модернизацию, в которой коммунисты одержали победу. Современные авторы, несмотря на то что используют новейшие методы анализа, продолжают некритично воспроизводить советские шаблоны, в которых история XX столетия репрезентирована как путь от победы к победе коммунизма. Однако нам представляется, что раскрепощение мусульманок в советской Средней Азии необходимо репрезентировать как симулякр.

В 1928 г. на узбекских шелкопрядильных фабриках численность мусульманок снизилась с 82% до 55%. Руководство Управления по делам шелководства Туркестана (Туркшёлк) высказывалось против применения женского труда, предлагая сократить долю работниц до 25% (*Шукурова* 1961: 116–117). В 1928 г. в Узбекской ССР закрылись женские клубы и школы, прекратилась агитация среди мусульманок, а ташкентский ЦО перестал получать отчеты с мест о состоянии раскрепощения (*Любимова* 1928а: 18). Инспекция московского ЦО выяснила, что объекты раскрепощения, которые числились функционирующими, по факту не существовали⁷¹. Худжум развалил среднеазиатские женотделы, перечеркнул скромные достижения предыдущих лет, а также подчеркнул, что

за пределами крупных городов раскрепощение не проводилось. Худжум не разорвал цепочку ответственности времени и поколений. «Благодаря» судам, милиции, коммунистам-мусульманам и комсомольцам сражение за умы молодежи было проиграно, а коренные жители еще больше стали ценить религиозные традиции.

В 1928 г. был вновь поднят вопрос борьбы с паранджой, но на этот раз инициатива исходила из Азербайджана. Учителя выступили за законодательный запрет ношения чадры (*Смирнов* 1929: 67). Инициативу поддержала С. Т. Любимова, предложившая издать специальный декрет, которым бы официально запрещалось ношение паранджи. Она считала, что это «уважительная причина» для мусульман, против которой никто не будет возражать» (*Любимова* 1928b: 73–78). Инициативу поддержали коллеги из Туркмении (*Богачева* 1928: 66), а также Н. К. Крупская, которая назвала идею «достойной быть поддержанной агитацией и партийцами на местах» (*Крупская* 1928: 5–12). Она предлагала стимулировать отказ от паранджи материальными выгодами: «Если не ошибаюсь, писала она в «Коммунистке», в Узбекистане землей наделяются женщины. Но какая женщина, снявшая паранджу или не снявшая? Если землей наделяется та, которая не сняла паранджи, эта земля поступает в распоряжение мужа и ему выгодно иметь побольше жен, не снявших паранджи. А если женщина землю получает только с открытым лицом, это уже изменяет дело. Женщина приобретает права» (*Крупская* 1928: 5–12). В поддержку декрета высказался востоковед Н. А. Смирнов: «Мусульманки должны быть подготовлены к этому закону как последнему акту полного и безусловного раскрепощения» (*Смирнов* 1929: 69).

В декабре 1928 г. на VI среднеазиатском совещании женотделов И. А. Зеленский выступил против декрета о запрете паранджи⁷². Зеленский оказался последовательным, ведь еще в 1925 г. он также высказывался против принудительной ликвидации паранджи: «Что полезней для нас: втянуть в работу массу или иметь 5–6 человек, которые сняли паранджу? Я думаю, пускай не будет 5–6 человек, которые сняли паранджу, но, если мы сумеем организовать силы для ликвидации неграмотности, сумеем организовать силы для борьбы с антигигиеническими условиями, для улучшения быта, для всякого рода взаимопомощи – это будет в десять раз лучше, в сто раз

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Л. 213.

⁷² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 445. Л. 14–23.

⁷³ От «наступления» к систематической работе. К обследованию работы в Средней Азии // Коммунистка. 1928. № 1. С. 57–63.

лучше, чем снятие 5–10–100 паранджей»⁷³. Поддерживали И. А. Зеленского и сотрудницы женотделов. Мигунова вопрошала: «Разве снятие паранджи самое обязательное? Ведь те, кто снимают паранджу, считаются проституткой! Надо сначала массы перевоспитать, сейчас нечего насильно снимать паранджу, кто захочет – сам снимет. Нельзя это ставить обязательным условием, этим мы только отпугнем»⁷⁴. В 1928 г. Е. М. Ярославский на Всесоюзном совещании по работе среди женщин Востока и национальных меньшинств, которое проходило в Москве поддержал принятие декрета⁷⁵. Среднеазиатские чиновники оказались в замешательстве, не понимая, какую линию поддержать. Член самаркандского окружного комитета Жданов был солидарен с И.А. Зеленским: «Работа в настоящее время и на ближайший период должна заключаться в развертывании широкой агитационно-разъяснительной и воспитательной работы среди трудящихся масс кишлака и города, при этом обращая особое внимание на закрепление результатов раскрепощения. После успешного проведения этой работы, пожалуй, можно и нужно издать декрет»⁷⁶.

В феврале 1929 г. заведующий организационным отделом Средазбюро ЦК ВКП(б) Н.Ф. Гикало призывал организовать в преддверии 8 марта агитационную кампанию в поддержку законодательного запрета ношения паранджи: «Ввиду выявившихся местами требований масс об издании декрета, запрещающего ношение паранджи, следует использовать 8 марта для подготовки широких слоев трудящихся к проведению законодательных мер против паранджи. Тот, кто мешает делу раскрепощения, кто не дает решительного революционного отпора враждебным силам, кто не борется у себя в быту с рабским положением женщины, тот идет против социализма, делает фактически несоветское дело, тот не может быть в советском аппарате. С этой точки зрения следует проверить работу судебных органов и прокуратуры перед женскими трудящимися массами» (Гикало 1929: 2). В итоге возобладала позиция И.А. Зеленского и декрет о запрете паранджи не приняли.

Вместе с тем в 1928 г. на совместном заседании ташкентского ЦО с партийными функционерами была достигнута договоренность, что «основную роль в борьбе за равенство должны взять на себя сами женщины: активизация женских масс, поднятие их самостоятельности – залог

успеха. Не ждать раскрепощения, а самим раскрепощаться»⁷⁷. Таким образом, произошел возврат к идее, которая высказывалась в 1925 г. партийцами и интеллигентами, например, литератором С.В. Гиринисом и дипломатом Х. Г. Раковским, что мусульманки должны самостоятельно осознать, что они угнетены, а женотделам следует облегчить интеграцию коренных жительниц в советское общество⁷⁸ (Раковский 1925: 6). На заседании 1928 г. было решено сделать агитацию основным методом раскрепощения. Однако она не принесла плодов (Смирнова 1929: 27). Поэтому в 1929 г. большевики отказались от женотделов и государственной политики по насаждению гендерного равенства. Официально женотделы были закрыты в январе 1930 г. Все это подтверждает гипотезу Ширин Акинер, в соответствии с которой в конце 1920-х гг. в Средней Азии был заключен «негласный договор» между ЦК ВКП(б) и коммунистами-мусульманами. ЦК ВКП(б) прекращал раскрепощение мусульманок, сохраняя патриархальный семейный и бытовой уклад коренных жителей, а коммунисты-мусульмане гарантировали лояльность советской власти (Энгель 2023: 299). При этом ЦК ВКП(б) закрыла глаза на то, что Худжум способствовал сращиванию национального и религиозного сознания народов Средней Азии (Энгель 2023: 300).

Заключение

Подводя итоги, стоит отметить, что раскрепощение мусульманок Средней Азии в 1920-е гг. не достигло намеченных целей. Правильнее сказать, что женотделы заложили основу социокультурных изменений, которые произошли в последующие десятилетия. Поэтому позитивные оценки раскрепощения мусульманок Средней Азии в 1920-е гг., которые можно встретить в историографии, нужно считать сомнительными. Внимательное изучение архивных документов, воспоминаний, публицистики и периодической печати показывает, что раскрепощение встречало сильное противодействие со стороны мужчин во власти. Государственная политика по раскрепощению мусульманок Средней Азии оказалась неэффективной, поскольку большевикам не удалось добиться консенсуса с коммунистами-мусульманами, которые желали сохранить господствующий гендерный порядок. Поэтому никакие преобразования, запланированные женотделами и Средазбюро ЦК ВКП(б), не могли быть реализованы. Отношение коммунистов-мусульман к раскрепощению и женотделам было враждебным.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1717. Л. 77.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 31–36.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 445. Л. 64–73.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1717. Л. 77.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1717. Л. 77.

Серьезное сопротивление раскрепощению оказали коренные жители, условно признавшие советскую власть, даже сотрудничавшие с ней, но считавшие досоветский гендерный порядок справедливым. Раскрепощение, призванное разрушить старые нормы, под влиянием агитации и Худжума, только укрепило их. Коммунисты-мусульмане, комсомольцы, судьи, работники милиции не позволили провести раскрепощение. Худжум не являлся кампанией коммунистов-европейцев и сотрудниц женотделов против паранджи. Официальные цели кампании были неправильно интерпретированы мусульманами-коммунистами

из-за отсутствия слаженной координации с русскоязычными чиновниками, которые не владели местными языками. И. А. Зеленский и С. Т. Любимова видели Худжум как кампанию, которая должна была заставить коренных жителей исполнять советское законодательство о гендерном равенстве, увеличить количество трудящихся мусульманок, обучавшихся в школах ликвидации неграмотности. Различные источники указывают, что партийцы-мусульмане лицемерили, когда утверждали, что поддерживают раскрепощение. Их истинное отношение к гендерному равенству история засвидетельствовала при Худжуме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абидова 1973 – Абидова Н. К истории создания единой советской судебной системы в республиках Средней Азии // ОНУ. 1973. № 3. С. 39–41.
- Алимова 1989 – Алимова Д. А. Женский вопрос в советской историографии Средней Азии 20-х годов // ОНУ. 1989. № 11. С. 51–56.
- Алимова 1991 – Алимова Д. А. Женский вопрос в Средней Азии. История изучения и современные проблемы. Ташкент: Фан, 1991.
- Алимова 2008 – Алимова Д. А. История как история, история как наука: в 2 т. Т. 1. / Отв. ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Узбекистан, 2008.
- Алматинская 1971 – Алматинская А. Минувшее. Воспоминания. Ташкент: Изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1971.
- Аминова 1975 – Аминова Р. Х. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент: Фан, 1975.
- Аминова 1977 – Аминова Р. Х. Славная вежа в истории борьбы за равноправие женщин Узбекистана (к 50-летию «Худжума») // ОНУ. 1977. № 3. С. 4–8.
- Аульный 1925 – Аульный. Наступление началось – нужно подкрепление // Правда Востока. 4 января 1925 г. № 2. С. 4.
- Ахунова 1976 – Ахунова М. А. Всесоюзная научная конференция «Национальный аспект решения женского вопроса в СССР» // ОНУ. 1976. № 3. С. 56–57.
- Бендриков 1960 – Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924). М.: Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1960.
- Бильшай 1956 – Бильшай В. Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1956.
- Богачева 1928 – Богачева. О чадре // Коммунистка. 1928. № 11. С. 66.
- Гикало 1929 – Гикало. О проведении 8 марта парторганизациями Средней Азии // Правда Востока. 11 февраля 1929 г. № 33. С. 2.
- Дробот 1926 – Дробот В. Реутовка // Правда Востока. 25 октября 1926 г. № 246. С. 4.

- Заварьян 1926 – Заварьян Н. Некоторые моменты из работы среди женщин Средней Азии // Коммунистка. 1926. № 6. С. 66–70.
- Зеленский 1926а – Зеленский И. А. Борьба за раскрепощение женщин – дело всей партии // Правда Востока. 8 марта 1926 г. № 57. С. 1.
- Зеленский 1926б – Зеленский И. А. За раскрепощение! Мы должны дать лозунг в нашей работе: идти в наступление! // Правда Востока. 22 октября 1926 г. № 244. С. 2.
- Крупская 1928 – Крупская Н. К. Пути раскрепощения женщины Востока // Коммунистка. 1928. № 12. С. 5–12.
- Любимова 1924 – Любимова С. Т. Письма из Туркестана // Коммунистка. 1924. № 1–2. С. 40–41.
- Любимова 1925а – Любимова С. Т. Теория и практика работы партии среди женщин. Пособие для курсов по подготовке работников среди женщин Средней Азии. Ташкент: Туркпечать, 1925.
- Любимова 1925б – Любимова С. Т. Сдвиги. Ташкент: Узгосиздат, 1925.
- Любимова 1925с – Любимова С. Т. Работа среди дехканок // Правда Востока. 2 февраля 1925 г. № 25. С. 4.
- Любимова 1926а – Любимова С. Т. По Средней Азии // Коммунистка. 1926. № 4. С. 56–59.
- Любимова 1926б – Любимова С. Т. За новый быт. Ташкент: Средазкнига, 1926.
- Любимова 1926с – Любимова С. Т. Как живут и работают женщины Средней Азии. М.: Госиздат, 1926.
- Любимова 1928а – Любимова С. Т. Работа партии среди тружениц Востока. М.: Госиздат, 1928.
- Любимова 1928б – Любимова С. Т. Декрет о чадре и общество «Долой калым и многоженство» // Коммунистка. 1928. № 8. С. 73–78.
- Машарипова 1990 – Машарипова Ш. М. Раскрепощение женщин Хорезма и вовлечение их в социалистическое строительство. Ташкент: Фан, 1990.
- Мичурина 1926а – Мичурина Т. Правовая защита женщины в Зеравшане (по материалам обследования женотдела Средазбюро ЦК ВКП(б) работы судорганов по части женских дел) // Правда Востока. 9 мая 1926 г. № 103. С. 3.
- Мичурина 1926б – Мичурина Т. Правовое положение

- женщины в Туркмении // Коммунистка. 1926. № 10–11. С. 80–83.
- Николаева 1925 – Николаева. Еще неизжитое. Несколько слов об отношении к женщине в старом городе // Правда Востока. 17 ноября 1925 г. № 260. С. 4.
- Нортрон 2011 – Нортрон Д. Национализация отсталости: Пол, империя и узбекская идентичность // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина; пер. с англ. В. И. Матузовой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 235–272.
- Нухрат 1932 – Нухрат А. И. Октябрь и женщина Востока. М.: Партиздат, 1932.
- Октябрев 1926 – Октябрев К. Открытие фабрики «Уртак» // Правда Востока. 1 февраля 1926 г. № 27. С. 5.
- Пальванова 1957 – Пальванова Б. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и раскрепощение женщин-туркменок. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1957.
- Пальванова 1961 – Пальванова Б. Дочери советского Востока. М.: Госполитиздат, 1961.
- Пальванова 1967 – Пальванова Б. Октябрь и женщины Туркменистана. Ашхабад: Туркменистан, 1967.
- Пальванова 1982 – Пальванова Б. Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения женщин советского Востока. М.: Наука, 1982.
- Пушкарева 2010 – Пушкарева Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51–64.
- Раковский 1925 – Раковский Х. Г. Женщина Востока – твое освобождение должно быть делом твоих рук // Правда. 8 марта 1925 г. № 56. С. 6.
- Рачинская 1925 – Рачинская. Женское образование в Туркестане / За пять лет. Сборник по вопросам работы Коммунистической партии среди женщин Средней Азии. М.: Центральное издательство народов СССР, 1925. С. 66–74.
- Смирнов 1929 – Смирнов Н. А. Чадра. Происхождение покрывала мусульманской женщины и борьба с ним. М.: Изд. общ. «Безбожник», 1929.
- Смирнова 1929 – Смирнова А. Почин по борьбе с религией на Востоке // Коммунистка. № 8. 1929. С. 27.
- Стайтс 2004 – Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм (1860–1930). Пер. с англ. И. А. Школьникова, О. В. Шныровой. М.: РОССПЭН, 2004.
- Судаков 1927 – Судаков В. Девушка Востока и комсомол // Коммунистка. 1927. № 8. С. 22–27.
- Татыбекова 1963 – Татыбекова Ж. Раскрепощение женщины Киргизии Великой Октябрьской социалистической революцией (1917–1936 гг.). Фрунзе: Изд. Академии наук Киргизской ССР, 1963.
- Татыбекова 1975 – Татыбекова Ж. Великий октябрь и женщины Киргизстана. Фрунзе: Кыргызстан, 1975.
- Халид 2022 – Халид А. Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период. Пер. с англ. К. Тверьянович, А. Рудаковой. СПб.: Academic Studies Press, 2022.
- Хубларов 1926 – Хубларов А. Табибы старого Ташкента // Правда Востока. 2 апреля 1926 г. № 77.
- Чокай 1993 – Чокай М. Туркестан под властью советов. Статьи, воспоминания. Алма-Ата: Айкап, 1993.
- Шукурова 1961 – Шукурова Х. С. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за раскрепощение женщин (1924–1929). Ташкент: Госиздат УзССР, 1961.
- Шукурова 1970 – Шукурова Х. С. Социализм и женщина Узбекистана. (Исторический опыт КПСС в раскрепощении женщин советского Востока на примере Узбекистана 1917–1937 гг.). Под ред. К. Е. Житова. Ташкент: Узбекистан, 1970.
- Энгель 2023 – Энгель Б. Женщины в России, 1700–2000. Пер. с англ. О. Полей. СПб.: Academic Studies Press, 2023.
- Alimova 2006 – Alimova D. A. A Historian's Vision of «Khudjum» // Central Asian Survey. 1998. No. 17:1. P. 147–155.
- Edgar 2006 – Edgar A. Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet «Emancipation» of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective // Slavic Review. 2006. Vol. 65. No. 2. P. 252–272.
- Kamp 2006 – Kamp M. The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. Washington: University of Washington Press, 2006.
- Kamp 2014 – Kamp M. Women-initiated Unveiling: State-led Campaigns in Uzbekistan and Azerbaijan / Anti-Veiling Campaigns in the Muslim World. Gender, Modernism and the Politics of Dress / ed. by Stephanie Cronin. London: Routledge, 2014. P. 205–228.
- Massell 1974 – Massell G. J. The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton: Princeton University Press, 1974.
- Northrop 2004 – Northrop D. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. New York: Cornell University Press, 2004.